

А. В. МАЛИНОВ

ПОРТРЕТ УНИВЕРСИТЕТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ¹

Автор представляет рецензию на книгу Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)», в рассматривается история Санкт-Петербургского университета, преимущественно с 1884 до 1917 г. Жанр «коллективной биографии» позволил воспроизвести структуру университета и университетской корпорации («старшие» и «младшие» преподаватели, студенты), отношения с «внешней средой» (Министерство народного просвещения, городская администрация, политические партии, общественные и научные организации), участие универсантов в «освободительном движении» и др. Подробно описываются «кризисные» периоды в истории университета, «мобилизация интеллекта» в годы Первой мировой войны, «борьба за автономию» и ее демонтаж в послереволюционный период.

Ключевые слова: университет, корпорация, автономия, студенчество

Известный петербургский историк Е.А. Ростовцев опубликовал 900-страничное исследование по истории Санкт-Петербургского университета². Приходится дивиться масштабом проделанной работы и фактологической роскошью монографии. Поражает количество и разнообразие привлекаемых источников, как опубликованных, так и покоящихся в архивах, позволяющих реконструировать историю университета: нормативных актов и делопроизводственной документации, внутренних университетских документов (протоколов Совета, служебных и формулярных списков, обзрений преподавания наук и т. п.), мемуаров, дневников и писем, публицистики. Петитные россыпи примечаний, обильно заполняющие страницы, только усиливают эффект наукообразности и устраняют всякие сомнения в профессиональной компетенции автора. Способность за скупыми данными юридических документов и министерских приказов, регламентированным содержанием служебных формуляров, субъективными оценками воспоминаний и биографическим сором эпистолярного наследия увидеть, если воспользоваться терминологией Л.П. Карсавина, иерархически структурированную историческую индивидуальность – высший исследовательский дар историка. Для Ростовцева такой исторической индивидуальностью стал Санкт-Петербургский университет. Востребованность работ по истории университетского вопроса подтверждается солидным

---

¹ Подготовлена при поддержке РГНФ (№16-03-00566).

² Ростовцев 2017.

«академическим конвоем», сопровождающим книгу: около сотни страниц обзора источников и историографии в начале и столько же страниц библиографии в конце. Монография Ростовцева опровергает расхожее мнение о том, что хорошее научное сочинение скучно. Автор умело воспроизводит драматическую картину истории университета: профессорская фронда и компромиссы с властью, университетские беспорядки и революционная борьба. Он не скрывает, что тяготеет к портретному жанру, используя выражения: «коллективный портрет», «портрет в социальном контексте», «коллективный и национальный портрет студенчества». Надо заметить, что живописные черты преобладают в описаниях студенческой жизни, здесь больше деталей и непосредственных свидетельств (воспоминаний). Живой облик профессорской корпорации по преимуществу скрыт за массой лаконичных фактов и статистических выкладок. Автору удастся сочетать логос с образом, оживляемый источниками лик с верифицируемым выводом. Рецензируемая книга выглядит достойно в ряду целого ряда фундаментальных изданий по истории российских университетов последнего десятилетия³.

Тема книги одновременно и узка, и широка. Узка, поскольку ограничивается историей Санкт-Петербургского университета и охватывает лишь три десятилетия на рубеже XIX–XX вв. Широка, потому что ставит вопросы об отношении власти и науки, о положении «ученого сословия» в обществе, об условиях существования университетской корпорации. Основной вопрос можно сформулировать по-кантовски: как возможен тот социальный институт, каким является университет? Правда, вместо, казалось бы, очевидного социологического ответа на него, автор выбирает исторический подход: раскрывает конкретные условия времени, исторические обстоятельства и социальные процессы, в которые встраивался и в которых существовал университет. Реконструкция подвергается не только фактическая, но и смысловая сторона истории университета: анализируются ценностные установки той социальной группы, к которой принадлежали преподаватели университета, разделяемые ими идеи и идеалы, во многом формирующие групповое сознание и определяющие корпоративную солидарность, вскрывается мотивация поведения людей и т.п. Ростовцев формулирует вопрос об истории университета как вопрос о смысле: «...какие задачи перед университетом ставили ученые, власть и общество и в чем они видели смысл их существования?» (с. 16). В результате исследование ведется на нескольких уровнях: биографическом, институциональном, социально-историчес-

---

³ Никс 2008; Андреев 2009; «Быть русским по духу...» 2009; Университет и город в России... 2009; Иванов 2010; Университетская идея в Российской империи... 2011; Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012; Профессорско-преподавательский корпус... 2012; Бушуева 2012; Сословие русских профессоров... 2013; Маурер 2015.

ком, историко-политическом. Показано, как университет в качестве исторической индивидуальности «умалаяся» в таких «низших» индивидуальностях, как факультеты, кафедры, отделения (разряды), лаборатории, научные и студенческие общества, конкретные индивиды. В то же время, в университете проявляются или «качествуют» такие высшие индивидуальности, как российское общество, научные сообщества и ученые организации, институты власти и политические партии. Все это позволяет продуктивно соединить в одном исследовании социально-политическую историю России рубежа XIX–XX вв., институциональную историю, историю повседневности и историю ментальности. В истории университета как в микрокосме отражается история России целой эпохи. Топография исторических сил, борющихся за университет, представлена самой университетской корпорацией, государственной властью, политическими партиями и движениями, научными и общественными организациями. В то же время в книге большое внимание уделяется не только событиям, но и проблемам: структура университета, связи внутри университетской корпорации, отношения с «внешней средой» и др.

Известные модели университета: доклассический, утилитарный, классический (гумбольдтовский), постнеклассический (массовый) причудливо сочетались в реальной истории учебного заведения. В бытописании Санкт-Петербургского университета, как показывает Ростовцев, можно видеть следы всех этих моделей сосуществующими. Так, принцип университетской автономии был провозглашен еще в университете доклассического типа. В итоге внутри университета одновременно обнаруживаются несколько корпоративных укладов и две преобладающие тенденции: воспитание ученых и воспитание граждан (с. 205). И хотя, рассматриваемый в книге период относится к университету «классическому», его «подлинный облик» значительно сложнее. Это облик собирательный, или «коллективный портрет». Может быть поэтому автор лишь констатирует, а не демонстрирует, что Санкт-Петербургский университет был центром формирования научной, политической и общественной элиты России. Для содержательного раскрытия этого положения потребовалось бы проследить судьбы многих его выпускников, представить множество индивидуальных биографий. Однако предметом исследования является индивидуальность более высокого порядка – сам университет. История конкретных людей скрыта в книге за многочисленными таблицами, выкладками, графиками, диаграммами, показывающими динамику существования университетской корпорации, а не индивидуальный извод судьбы отдельного ученого.

Особенностью постижения прошлого является его недоступность непосредственному наблюдению. Конечно, Ростовцев не был свидетелем изучаемых событий, но он принадлежит той же корпорации, историком которой выступает, что осложняет его исследовательскую пози-

цию. Его книга – это взгляд на историю университета изнутри университета. Предпринятая им историческая рефлексия позволяет воспроизвести «патерналистскую модель», или «миф о единой университетской семье» (с. 289), на которую ориентировался Санкт-Петербургский университет в XIX в., его структуру как социального института («старшие» и «младшие» преподаватели, студенты, учителя и ученики). К элементам корпоративной культуры относились дисциплинарные суды, которые различным образом реагировали на вмешательство полиции в ход университетской жизни, с одной стороны, и на нарушение норм корпоративной этики, с другой. В состав корпоративной структуры входили профессорские салоны и различные студенческие объединения (в т.ч. и политически ориентированные), землячества, научные кружки (по подсчетам Ростовцева, только в 1900–1910-е гг. в университете официально было зарегистрировано около 80-ти кружков), организации, устраивающие экскурсии и т.п., и все они служили «школой студенческой самоорганизации» (с. 315). Сами преподаватели сильно зависели от мнения «государственных младенцев», как в XVIII в. называли студентов. Многочисленные факты бездействия руководства университета и профессоров, либо даже откровенное потворствование студентам, автор объясняет патерналистской моделью отношений: «университет мыслился как единая семья, что давало всем ее участникам определенные нормативные права (например, “нравственного суда” над профессорами) и накладывало неформальные корпоративные обязательства, в частности, невозможность “предательства” (например, выдачи фрондирующих членов семьи “властям”）」 (с. 314–315). Патерналистская риторика доминирует в университетских документах, а «патерналистская модель» непосредственно выводится из смысловой материи источников. Жизнь «университетского мира» жестко регулировалась институциональными рамками и корпоративными традициями. Порядка 1–2% выпускников в дальнейшем связывали свою судьбу с университетом.

Показаны этапы инициации, которые проходил будущий профессор: «оставление при университете для подготовки к профессорскому званию», магистерский экзамен, диссертационные диспуты (магистерский и докторский). Автор приводит лишь один пример присуждения сразу докторской степени – магистерский диспут химика В.Н. Ипатьева (с. 326), хотя были и другие аналогичные случаи⁴. К области корпоративной культуры относится и практика университетских коммемораций (годовщины, похороны и др.), которые способствовали формированию

---

⁴ Так, например, в 1906 г. за диссертацию «Формы мышления и законы познания» докторской степени, минуя степень магистра, удостоился И.И. Лапшин. Он, вероятно, был единственным преподавателем университета, оказавшимся в эмиграции и пожелавшим вернуться в Советский Союз в 1945 г. Правда, на его обращение ответа от советских властей не последовало.

длительных поколенческих профессиональных и коллегиальных связей. Подробнее всего автор останавливается на годовщинах («университетских актах») указа об основании университета (8 февраля 1819 г.). Ростовцев не акцентирует вопрос о возрасте университета, хотя содержание книги не оставляет сомнения в его датировке. Вопрос этот не лишен деликатности, поскольку удревление собственной истории стало частью «университетского мифа». Стоит различать истоки, традицию высшей школы и ее институциональную преемственность. Традиция высшего образования в Петербурге восходит к Академическому университету XVIII в., а институционально Императорский Санкт-Петербургский университет связан с Главным педагогическим институтом. Расцвет университетской корпоративности и науки во многом обязан университетскому уставу 1863 г., заложившему основы тех научных школ, «от которых ведет свою историю современная российская наука» (с. 413). Подводя предварительный итог, Ростовцев отмечает, что «академическое сообщество столичного университета рубежа XIX–XX вв. составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и нормативной иерархией, общей системой ценностей и понятий, объединенной внутренней идентичностью, традиционными коммеморациями и коллективной памятью» (с. 348). На многочисленных примерах исследователь показывает, как решения правительства нередко приводили к результатам, противоположным ожидаемым. Конфликты с властью и «кризисы» только усиливали корпоративную солидарность и университетскую сплоченность.

К внешней стороне бытования университетской корпорации относятся участие в общественной жизни столицы, организация различных научных обществ «при университете» (Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Общество земледения, Русское антропологическое общество, Неофилологическое общество, Историческое общество, Юридическое общество, Философское общество и др.), участие преподавателей в обществах, формально не привязанных к университету (Императорское Русское историческое общество, Императорское Общество любителей древней письменности, Императорское Русское археологическое общество, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, Религиозно-философское общество, Императорское Вольное экономическое общество и др.). Преподаватели университета были членами благотворительных и просветительских организаций, обществ вспомоществования. Деятельность этих обществ описана довольно кратко, но дополнительную информацию любопытный читатель может почерпнуть из тех историографических закомов, указания на которые автор дает в постраничных сносках, по объему нередко превышающих основной текст. Отдельно рассмотрев вопрос о

взаимодействии университета с городской властью (включая участие профессоров и приват-доцентов в работе городской думы), Ростовцев приходит к выводу, что полноценного сотрудничества между городским общественным управлением и университетом не было. Он указывает на «ментальный “разрыв”, существовавший между университетом и городом» (с. 402). Впрочем, влияние университета на городскую жизнь и не могло быть масштабным, поскольку по подсчетам автора, весь «академический мир» Санкт-Петербурга (а не только университета) охватывал не более 1–2% населения столицы.

Формально нижней хронологической границей исследования является 1884 г. – год принятия нового университетского устава, верхней границей можно считать начало 1923 г., когда завершился демонтаж университетской системы и его преобразование в советское учреждение (с. 753). Автор предлагает частично пересмотреть закрепившуюся в отечественной историографии негативную оценку университетского устава 1884 г. Он отмечает, что новый устав улучшил положение большинства преподавателей (доценты были переведены на должности экстраординарных профессоров) и их финансовое обеспечение. К концу 1880-х гг. многие положения устава были фактически пересмотрены и прежняя система преподавания в основных чертах восстановлена. Ростовцев, не склонен столь негативно оценивать ректорство М.И. Владиславлева, как это принято в мемуаристике и зависящей от нее исследовательской литературе. Неприятие и сопротивление университетской корпорации вызывала система мелочного контроля со стороны Министерства народного просвещения над учебным процессом.

Патерналистская модель отношений, воплощенная в университете, которую Ростовцев сумел прекрасно показать на богатом историческом материале, вероятно, подтолкнула его и к главному конструктивному результату исследования – серии «коллективных биографий» факультетов. Биография – наиболее архетипический исторический жанр. Он позволяет свести многообразие фактов, событий и жизнеописательных стратегий в концептуальное единство – историческую индивидуальность. Монография дает представление и о «коллективной биографии» университета в целом. Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда теоретико-методологический концепт («коллективная биография») не только «задает» или, по словам А.С. Лаппо-Данилевского, «построяет» историческую действительность, но и сам эксплицируется из содержания привлекаемых источников. Теоретико-методологическая конструкция, позволяющая адекватно описывать материал и вскрывать его смыслообразующие, опорные моменты, – большая удача для исследователя. Содержание «коллективной биографии» выясняется посредством статистических данных о социальном, религиозном, возрастном составе корпорации, продолжительности жизни, имущественных от-

ношений и семейного положения. Описание биографии университетского сообщества Ростовцев начинается, можно сказать, исходя из марксистского принципа «бытие определяет сознание»: с размера оклада и гонорара. Его концепция «коллективной биографии» дает возможность, не ограничиваясь историей ученой корпорации или схолярными штудиями, проследить на примере истории Санкт-Петербургского университета социальную историю России целой эпохи.

«Коллективная биография» университета распадается на «биографии» его факультетов (физико-математического, историко-филологического, юридического, восточных языков), позволяя наглядно показать их отличия. Так, Ростовцев отмечает бóльшую вовлеченность юридического факультета «в социальные и политические процессы», более низкий «научный ценз» его преподавателей и «их незначительную связь с т.н. академической наукой» (с. 203). Напротив, «физмат оказался самым представительным с точки зрения “вклада в науку”» (с. 203). С формальной стороны, профессорско-преподавательский корпус физико-математического факультета был более остепененный; на нем работало больше членов Академии наук; а частота библиографических упоминаний значительно превышала цитируемость преподавателей других факультетов. Впрочем, автор справедливо указывает и на причины лидерства физико-математического факультета: особенности структуры Академии наук, где преобладали естественнонаучные кафедры, и менее радикальная «ломка» естественных дисциплин в период большевистских преобразований: этот факультет меньше пострадал от репрессий и эмиграции, что позволило сохранить традиции научных школ и межпоколенческие связи ученых. Можно добавить, что реабилитация многих дореволюционных ученых-гуманитариев и их идей началась не более трех десятилетий назад. Понятно, что переиздания и цитируемость их трудов постоянно растут. Надо иметь в виду, что среди гуманитариев было немало представителей «национальных исследований» (русская история, русская литература, русская философия и т.п.), которые могут быть востребованы прежде всего в России. В то же время преподаватели социальных и гуманитарных наук (три факультета из четырех) численно преобладали в университете (не менее 70%). Структура современной науки другая, доминирование естественных дисциплин и их мультипликация очевидны. Приводимые автором цифры подтверждают, что в XIX в. Россия оставалась преимущественно гуманитарной цивилизацией. В XX в. произошли не только социально-политические изменения, но и более существенные цивилизационные трансформации российского общества: Россия из крестьянской страны стала городской, а естественники заметно потеснили гуманитариев не только в пределах образовательных программ, но и в объемах финансирования исследований. Утилитарная точка зрения на образование и

науку, которой активно сопротивлялась университетская корпорация в XIX в., стала преобладающей. Вместе с тем, вчитываясь в «коллективные биографии» факультетов приходишь к пониманию, что, несмотря на радикальные изменения, затронувшие науку за последнее столетие, многие родовые черты факультетов сохранились, а их «коллективный портрет» вполне современен и узнаваем.

История университета рассматривается в контексте происходивших социально-политических событий. Много места уделяется политическим взглядам и пристрастиям преподавателей и студентов. Автор отмечает, что среди профессоров преобладали демократически-либеральные взгляды, в то время как политические предпочтения студентов были более дифференцированными. При этом политика часто оказывается тем «хором», который выходит на авансцену и заменяет героев. Создается впечатление, что ректор и профессорский совет только тем и занимались, что препирались с министерством, а студенты – устраивали сходки, забастовки и искали повод для бунта. Правда, проверенная временем профессорская оппозиционность с началом Первой мировой войны сменилась профессорским патриотизмом, но и в этих условиях университетская корпорация находила резоны для фронды, а студенты – для антивоенной пропаганды. Важной содержательной частью университетского движения были еврейский и женский вопросы, в решении которых профессора и студенты, как правило, были солидарны. У истоков сильной политизации университетской жизни автор видит все тот же устав 1884 г., ограничивший университетскую автономию и тем самым побудивший университетскую корпорацию к участию в «освободительном движении». Впрочем, этот используемый им эффемизм не сильно вуалирует революционную сущность происходивших процессов. Может показаться, что автор несколько зависим от советской историографии университетского вопроса, использует уже обремененные интерпретацией и идеологически нагруженные факты, хотя, как правило, для каждого упоминаемого события приводится соответствующий архивный источник. Торжество «университетских мандаринов», казалось бы добившихся своих целей в 1917 г., было недолгим. Большевики не воспринимали профессорско-преподавательский корпус в качестве субъекта переговоров и не испытывали нужды в диалоге со студенчеством (с. 752). В результате, к 1923 г. автономия была полностью утрачена, а университетская корпорация сломлена. К сожалению, автор не столь детально проследживает историю университета революционной эпохи. Так, он не касается деятельности С.К. Минина, автора статьи «Философию – за борт!» (1922), хотя история «двоевластия» в университете (С.К. Минин и ректор Н.С. Державин) позволяет раскрыть механизм советизации университета. На этом, можно сказать, эпопея противостояния высшей школы «высшим сферам» завершилась.

«Коллективная биография», удачно ограниченная тремя десятилетиями, т.е. охватывающая период, совпадающий с одним «поколением», представляет собой синхронический срез той исторической индивидуальности, которой является Санкт-Петербургский университет. Однако всякая историческая индивидуальность находится в развитии. И Ростовцев очень точно демонстрирует то, что составляло динамическую основу университетской жизни, не позволяло университету закоснеть в столь привлекательных для любой корпорации самодовольстве и самолюбовании. Диахронический историзм университета может быть выражен лозунгом: «Борьба за автономию». По словам автора «проблема “университетской автономии”, вероятно, была основным предметом интеллектуальных спекуляций и идеологических битв ученых и публицистов, писавших по университетскому вопросу в XIX – начале XX в.» (с. 10). Не только по форме, но и содержательно он повторяет известную теорию «борьбы за индивидуальность» Н.К. Михайловского. Смыслом существования университета была не наука или воспитание молодежи, а «борьба за автономию», которая, как убедительно показывает Ростовцев, оказалась борьбой за само существование университета как исторической индивидуальности, т.е. самобытного социокультурного явления. Борьба за автономию университета была борьбой с «высшей» индивидуальностью, стремящейся нивелировать его уникальность. Борьба с властью за свою индивидуальность, метонимически обозначаемая как «борьба за автономию», во многом определяла то политическое, культурное и социальное значение, каким университет обладал в XIX в. и которое ныне утрачено. Эта борьба была университетом проиграна, что объясняет, почему почтенная ученая корпорация из «университетских мандаринов» и «привилегированного ученого сословия» эволюционировала в пролетариев умственного труда и «одноразовых» преподавателей на годичном контракте. Власть перестала замечать университет и сама закуклилась в той «башне из слоновой кости», которой так дорожил университет еще столетие назад. Государство больше не заинтересовано в производстве знания, а лишь – в воспроизводстве власти. Отчасти это понятно: университет и прописавшееся в нем «ученое сословие» для любого государства – большая роскошь. Власть больше не является инструментом или средством для достижения «общего блага». Такая естественно-правовая риторика давно элиминирована из властного дискурса. Власть стала самоцелью. Пока университетская корпорация отстаивала свою автономию, а власть воспринимала ее аргументы, относительная самостоятельность университета сохранялась. Но вскоре после того, как «университетские мандарины» добились своего – вошли в состав Временного правительства и провозгласили полную автономию высшей школы – эта независимость была полностью демонтирована большевиками.

Власть, которая оказалась доступна интеллектуалам, – это власть критиковать власть. Телеология современного университета диктуется уже не борьбой за автономию, а гонкой за рейтингами. С этой точки зрения, монография крайне поучительна и актуальна: она показывает, как совершался этот процесс. Знакомство с исследованием Ростовцева лишь подтверждает цитируемую максиму об истории как *magistra vitae*.

Принцип автономии был заложен в университете изначально, поскольку он был одним из плодов политики европеизации, элементом западной субкультуры. Он выступал в качестве социального эксперимента, «территории академической и гражданской свободы» (с. 662), европеизованным государством в государстве авторитарном. Именно идея свободы, воплотившаяся в университетской жизни, вовлекала его в политические процессы и приводила к формированию специфических «игровых форм» поведения и структур: «в университете пореформенного периода стал обыденным “маскарад”, когда за декларируемыми формами скрывались подчас совсем иные сущности: за экономическими землячествами – политические структуры, за научными кружками и корпорациями – национальные и националистические организации, за чаепитием – политический диспут, за лекцией – “театральное представление”, рассчитанное на публику, за научным диспутом – общественный акт, за заседанием с научной целью – собрание революционной партии, за драматическим кружком – касса взаимопомощи и т.п. Игровой характер, от этого, впрочем, не менее опасный для власти, носили и многочисленные студенческие сходки и революционные коммеморации, проходившие в университете» (с. 768). Власть и преподавательская корпорация воспринимали университет различно. Для профессоров – это был «храм науки», существование которого невозможно без «академической свободы», а главной целью науки провозглашался бескорыстный поиск истины, т.е. чисто познавательный интерес. Власть же всегда смотрела на университет с утилитарной точки зрения: видела в нем средство подготовки профессиональных и чиновничьих кадров для нужд государства. Бюрократизация и мелочная регламентация, которой власть опутывала университет, была порой вынужденной реакцией на демонстративное игнорирование университетом социального заказа (например, сопротивление организации медицинского факультета) и дистанцирование от общества. Без университетских специалистов модернизация страны была бы невозможна, что заставляло идти на компромисс с университетом: делать уступки и вводить ограничения. Однако на протяжении практически всей истории дореволюционного университета его фактическая автономия была «больше» автономии формально-юридической. Профессорская корпорация тяготела к модели «классического» университета, в то время как для государства была предпочтительна «утилитарная» модель. Отчасти подобная установка

подтверждается продолжающимися поныне упреками высшему образованию в его неэффективности с точки зрения той пользы, которую университеты «должны» приносить государству.

Ростовцев достаточно высоко оценивает итоги истории университета, не без основания полагая, что исследуемый период (1884–1917) был его «золотым веком». Отнесение «золотого века» к прошлому лишь усиливает пессимистическое восприятие настоящего. «Золотой век» непосредственно коррелирует с принципом автономии. «Университетская автономия, – полагает автор, – позволила русской науке выйти на мировой уровень, а созданная корпоративная организация послужила основой для создания мощных научных школ в различных областях знания» (с. 771). Впрочем, апелляция к «золотому веку» свидетельствует и об авторской склонности к мифологическому мышлению. Канва исторических событий, воспроизводимая в монографии, показывает историю университета как череду «разгромов» и «кризисов» (1881, 1884, 1887, 1890, 1897, 1899, 1902, 1905, 1908, 1910–1911). Можно, конечно, предположить, что таково «нормальное» состояние науки и высшей школы, по крайней мере, в России, или свести объяснение к известному афористическому рецепту: «Болит, значит живет».

Столь же высоко автор аттестует корпоративную культуру, сложившуюся в Санкт-Петербургском университете к концу XIX века. Расцвету университета способствовала не только «борьба за автономию», но и механизмы внутренней конкуренции, содействовавшие становлению научных школ, стимулировавшие исследования и научные достижения, усилившаяся роль университета в становлении гражданского общества в России. Однако автор слишком увлекается корпоративными добродетелями университета, забывая о его корпоративных грехах. Признаюсь, я ожидал более критичного взгляда на историю университета. В целом соглашаясь с оценками и выводами Ростовцева, должен заметить, что в более знакомой мне области – философии – заслуги Петербургского университета были скромнее. И это при том, что в данный период состав кафедры философии был, пожалуй, наиболее сильным за всю историю университета: на кафедре работали А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.А. Алексеев-Аскольдов, С.И. Гессен, В.Э. Сеземан и др. В начале 1880-х гг. университет на короткое время даже принял в свои ряды В.С. Соловьёва⁵. Тем не менее, и в это время философия находила более плодотворную почву вне университета. Университет был лишен главного условия для развития философии – свободы мышления. Автономия, которую столь искренне отстаивали университетские профессора, все же означала не-

---

⁵ Ценный «коллективный портрет» кафедры философии, не вошедший в монографию, дан в статье: Ростовцев, Сидорчук 2016.

зависимость и самодостаточность, необходимые для сохранения корпоративных привилегий и властных притязаний, но не свободу, в т.ч. свободу научного поиска. Впрочем, без явной позитивной установки в отношении университета и его истории, из которой исходил Ростовцев, едва ли бы получилось столь замечательное исследование⁶.

У всякого подхода есть достоинства и недостатки. К издержкам жанра «коллективной биографии» я бы отнес ее некоторую отстраненность от личных судеб, без которых история превращается в социологическую схему и теоретический конструкт. Ростовцев это понимает, поэтому и пытается наполнить книгу отзывками прошлого, пропустить исторические факты через предвзятый мнемон источников личного происхождения (из них наиболее востребован дневник Н.Н. Платоновой – жены известного историка⁷). Другой, на мой взгляд, более существенный изъян «коллективной биографии» – в том, что она остается историей событий, а не историей идей. Но ведь непреходящая ценность университета состоит не в участии в «освободительном движении», а в его вкладе в науку, в поиске истины, составлявшем смысл жизни ученых, и в той духовной атмосфере, которая находила выход в научных теориях и концепциях. Ведь помимо политических баталий и споров о гонорах в университете происходили научные дискуссии, кропотливая исследовательская работа, частным проявлением которой были диссертационные диспуты; издавались журналы и книги. Помимо политических предпочтений преподаватели разнились и по своим теоретическим взглядам. Социально-политические процессы были лишь фоном, на котором проходила «настоящая» жизнь университета. Говорить о «золотом веке» университета можно только имея в виду достижения его преподавателей и выпускников как ученых. Смею предположить, что научные успехи университета лишь в малой мере коррелировали с политическим процессом. По крайней мере, он не был для них ни детерминантом, ни доминантой. А ведь об университетской науке в книге сказано очень мало. В то же время «коллективная биография» дает возможность выйти и на идейную историю университетской жизни. В монографии неоднократно упоминаются научные школы как пример университетской корпоративности. Тем не менее, в работе эта «школьная» сторона университетской истории не раскрыта. Нельзя сказать, что Ростовцев чужд этой проблематике. В своей монографии о А.С. Лаппо-

---

⁶ При этом далеко не все работы Е.А. Ростовцева по истории Петербургского университета нашли отражение в книге. Ряд важных материалов, наблюдений и выводов, существенно дополняющих содержание книги, остались лишь в статьях См.: Ростовцев 2009; 2010; 2011 (б); 2012; 2014 (а); 2014 (б); Ростовцев, Андреева 2014; 2015; Ростовцев, Андреева, Сидорчук 2015; и др.

⁷ См.: Ростовцев 2011 (а); 2013.

Данилевском он дал блестящее описание «петербургской исторической школы»⁸. Конечно, схолярная историография «велика и обильна, а наряда в ней нет». В библиографическом арсенале монографии она представлена крайне скупо. Трудно, например, объяснить отсутствие упоминания исследования М.П. Лаптевой по истории славяноведения в российских университетах⁹ и некоторых других. Впрочем, я не хочу «абсолютизировать» свои претензии, прекрасно понимая, что рецензент находится в более выгодном положении, чем автор. Ласкаю себя надеждой, что книга Евгения Анатольевича Ростовцева станет не только еще одним историографическим обременением для будущих исследователей университетского вопроса, но и войдет в состав «университетского мифа», над реинкарнацией которого он столь потрудились, а это обеспечит ей долгую и славную жизнь в науке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 287 с.
- «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. 335 С.
- Вишленкова Е.А., Галуцкая Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 331 с.
- Лаптева М.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: «Индрик», 2005. – 848 с.
- Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. – 527 с.
- Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX вв.: социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008. 303 с.
- Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томского университета, 2012. 372 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. – 349 с.
- Ростовцев Е.А.* «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России». Сб научн. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, 2009. С. 98–133.
- Ростовцев Е.А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.
- Ростовцев Е.А.* Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011 (а). С. 43–87.
- Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв // Клио. 2011 (б). № 4 (54). С. 89–99.

⁸ Ростовцев 2004.

⁹ Лаптева 2005.

- Ростовцев Е.А.* Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета, 2012. № 1. С. 106–111.
- Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамолина): между семьей и наукой // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 44–54.
- Ростовцев Е.А.* Великая война // профессоры // Родина. 2014 (а). № 11. С. 42–45.
- Ростовцев Е.А.* The Poles in the Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2014 (б). №2. С. 194–204.
- Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.: ил. (Ubi universitas, ibi Europa).
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10 (94). С. 3–14.
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Кривое зеркало: университетская жизнь сентября–октября 1905 г // Клио. 2015. № 7 (103). С. 71–88.
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль – сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №6. Ч. 2. С. 97–106.
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917): коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Высшая школа экономики, 2013. 385 с.
- Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 385 с.
- Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX в. Антология: Учебное пособие для вузов / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.

REFERENCES

- Andreev A.Ju. Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Bushueva L.A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917. Kazan': Centr innovacionnyh tehnologij, 2012. 287 s.
- «Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»: Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX v. / Otv. sost. A.Ju. Andreev. М.: ROSSPJEN, 2009. 335 s.
- Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaja korporativnost' ili professional'naja solidarnost'. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 648 s.
- Ivanov A.E. Mir rossijskogo studentchestva. Konec XIX – nachalo XX veka. М.: Novyj hronograf, 2010. 331 s.
- Lapteva M.P. Istorija slavjanovedenija v Rossii v XIX v. М.: «Indrik», 2005. – 848 s.
- Maurer T. «Barometry» ili «majaki» obshhestva? Izbrannye stat'i po social'noj istorii russkih i nemeckih universitetov. М.: ROSSPJEN, 2015. – 527 s.
- Niks N.N. Moskovskaja professura vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sociokulturnyj aspekt. М.: Novyj hronograf, 2008. 303 s.
- Professorsko-prepodavatel'skij korpus rossijskih universitetov. 1884–1917 gg.: issledovanija i dokumenty / Pod red. M.V. Gribovskogo, S.F. Fominyh. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. 372 s.
- Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaja istoricheskaja shkola. Rjazan': NIIR, 2004. 349 s.
- Rostovcev E.A. «Universitetskij vopros» i Gosudarstvennaja дума (1906–1911 gg.) // Tavricheskie chtenija – 2008: aktualnye problemy istorii parlamentarizma v Rossii. Vse-rossijskaja nauch-prakt. konf. Tavricheskie chtenija – 2008 / Pod red. A.B. Nikolaeva. SPb.: Muzej istorii parlamentarizma v Rossii pri MPA SNG, 2009. S. 98–133.
- Rostovcev E.A. Rossijskie mandaryny. Stolichnaja professura, studentchestvo i vlast' v nach. XX v. // Rodina. 2010. Specvypusk. Obrazovanie v Rossii: vchera, segodnja, zavtra. S. 47–52.

- Rostovcev E.A. Obzor dnevnika N.N. Platonovoj (Shamonin) // Pamjati akademika S.F. Platonova: issledovanija i materialy / Pod. red. A.Ju. Dvornichenko, S.O. Shmidt. SPb., 2011 (a). S. 43-87.
- Rostovcev E.A. Revoljucionnyje kommemoracii v Peterburgskom universitete na rubezhe XIX–XX vv // Klio. 2011 (b). № 4 (54). S. 89-99.
- Rostovcev E.A. Stolichnaja professura i blagotvoritel'nost' v nachale XX v.: postanovka problemy // Vestnik Omskogo universiteta, 2012. № 1. S. 106-111.
- Rostovcev E.A. Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): mezhdru sem'ej i naukoj // Vestnik SPbGU. Ser.2. 2013. Vyp. 4. S.44-54.
- Rostovcev E.A. Velikaja vojna» professorov // Rodina. 2014 (a). №11. S. 42-45.
- Rostovcev E.A. The Poles In The Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija. 2014 (b). №2. S. 194–204.
- Rostovcev E.A. Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshhestvo i vlast' (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). M.: ROSSPJeN, 2017. 903 s.: il. (Ubi universitas, ibi Europa).
- Rostovcev E.A., Andreeva V.V. Peterburgskij universitet 1905 g. v zerkale periodicheskoi pečati // Klio. 2014. № 10 (94). S. 3–14.
- Rostovcev E.A., Andreeva V.V. Krivoje zerkalo: universitetskaja zhizn' sentjabrja-oktjabrja 1905 g // Klio. 2015. № 7 (103). S. 71–88.
- Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V., Sidorčuk I.V. Ot Sankt-Peterburgskogo universiteta k Petrogradskomu: stolichnaja universitetskaja korporacija v fokuse pressy (ijul' – sentjabr' 1914 g.) // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2015. T. 7. № 6. Ch. 2. S. 97–106.
- Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V. Kafedra filosofii Peterburgskogo universiteta (1819–1917): kollektivnyj portret // Filosofskie nauki. 2016. № 3. S. 135–147.
- Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / Pod red. E.A. Vishlenkovo, I.M. Save'evoj. M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2013. 385 s.
- Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). Pod red. T. Maurer i A. Dmitrieva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 385 s.
- Universitetskaja ideja v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX v.. Antologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov / Sost. A.Ju. Andreev, S.I. Posohov. M.: ROSSPEN, 2011. 527 s.

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com

A portrait of a University in a Historical Interior

The article is a review of the book by E.A. Rostovtsev “Metropolitan University of the Russian Empire: an academic class, society and power (second half of the 19th – early 20th c.)”. The book is based of archival sources, memoirs and existing studies, and is focused on the history of the St. Petersburg University, from 1884 to 1917. The genre of “collective biography” allows to reproduce the structure of the university and the university corporation (“senior” and “younger” teachers, students), relations with the “external environment” (Ministry of Education, city administration, political parties, public and scientific organizations); the participation of academics in the “liberation movement”, etc. “Collective biography” is divided into a number of “collective portraits” of the university faculties. Details are given of the “crisis” periods in university history, the “mobilization of intellect” during the First World War, the “struggle for autonomy” and its dismantling in the post-revolutionary period.

Keywords: university, corporation, autonomy, “liberation movement”, students

Alexey Malinov, D. Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University; a.v.malinov@gmail.com